

УДК 159.9.07

СКЛОННОСТЬ К ЭКСТРЕМИЗМУ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ¹

© 2023 г. А. С. Эльзесер*, Т. В. Капустина**, Р. В. Кадыров***

*Тихоокеанский государственный медицинский университет;
690002, Владивосток, Приморский край, пр-т Острякова, д. 2, Россия.*

**Преподаватель.*

E-mail: der_falter@mail.ru

***Кандидат психологических наук, доцент.*

E-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

****Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой.*

E-mail: rusl-kad@yandex.ru

Поступила 20.04.2022

Аннотация. Исследование посвящено определению индивидуально-психологических характеристик склонности к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации. Привлекательность субкультуры колумбайн и экстремистских течений связана с социально-психологической дезадаптацией личности. Это актуализирует задачу раннего выявления группы риска для оказания психологической помощи в целях предотвращения радикализации личности. Гипотеза исследования: студенты, имеющие склонность к экстремизму, обладают индивидуально-психологическими характеристиками личности, указывающими на специфику их социально-психологической дезадаптации. Было исследовано 578 студентов I–VI курсов обучения в вузах Приморского края, Хабаровского края, Республики Дагестан и г. Москвы. Были использованы следующие методики: Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму; 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (16 PF), форма А; Тест акцентуаций свойств темперамента (ТАСТ); Шкала враждебности Кука–Медлей (СМНС); методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса и проективная методика 12 Архетипов плюс (12A+) Р.В. Кадырова, Т.В. Капустиной. Обнаружено, что специфика социально-психологической дезадаптации студентов, склонных к экстремизму, определяется следующими индивидуально-психологическими характеристиками: недооценка собственных возможностей, болезненная чувствительность к критике, замкнутость, отчужденность, склонность подвергать других строгой оценке, отказывая им в доверии, низкий порог эмоциональной устойчивости, эмоциональная лабильность, подозрительность и раздражительность, желание действовать в своих интересах, пренебрегая социальными нормами, правилами и стандартами, а также сочетание самонегия и самокритики, сочетание низкой толерантности к фрустрирующим ситуациям с преувеличением своей стрессоустойчивости. У этих студентов наблюдаются признаки депрессивности: подавленность, тревожность, склонность к самобичеванию, погруженность в мрачные переживания.

Ключевые слова: экстремизм, склонность к экстремизму, социально-психологическая дезадаптация, выявление экстремизма, студенты.

DOI: 10.31857/S020595920026155-6

Движение “колумбайн” зародилось в США и активно развивается в России, распространяясь через социальные сети. Данная субкультура характеризуется деструктивной направленностью и содержит признаки экстремистско-террористической сущности [16], привлекая последователей — “колумбайнеров”, оправдывающих и романтизирующих

вооруженное нападение на учеников школы “Колумбайн” (округ Джефферсон, штат Колорадо, США). Данный акт экстремистского насилия стал отправной точкой для последующих подражаний. Так, в последние годы в российских школах нарастает количество вооруженных нападений учеников на учащихся и педагогов. За период 2017–2019 гг. более 20 актов насильственного экстремизма было совершено учениками и более 50 случаев были предотвращены [14], что делает актуальным изучение

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32151.

“скулшутинга” (“школьной стрельбы”) или “колумбайна” для предупреждения их влияния на социально-психологическую адаптацию подростков и юношества.

Большое количество сообщений о психологии “колумбайна”/“скулшутинга” на психологических конференциях свидетельствует об интересе к данной теме в научном сообществе, однако наблюдается недостаток рецензируемых работ [18].

Действительно построение эмпирического исследования подобной проблематики несет определенные трудности. Так, конструкты “колумбайн” и “скулшутинг” не операционализированы отечественной психологией. Кроме того, исследователь данной темы сталкивается с недоступностью выборки “школьных стрелков”, стремящихся совершить суицид после массового убийства. Материалы уголовных дел не доступны широкому кругу психологов, а составление психологического портрета и оценка психической вменяемости в большинстве случаев производятся посмертно. Это обстоятельство приводит к тому, что утверждение о том или ином паттерне психологических характеристик как факторе экстремистского насилия является мало доказуемым и может опираться лишь на косвенные свидетельства.

В зарубежной литературе широко применяется понятие “насильственного экстремизма”. Согласно определению ЮНЕСКО, это “убеждения и действия людей, которые поддерживают и используют идеологически мотивированное насилие для достижения радикальных... целей” [17]. Как видим, экстремизм включает два аспекта: мировоззренческий (убеждения) и поведенческий (действия), то есть, еще не совершив уголовно наказуемого деяния, человек может иметь экстремистские убеждения. Предлагаемое нами понятие “склонность к экстремизму” отвечает задачам выявления групп риска, поскольку предполагает градиент от низкой склонности к высокой. При этом выраженная склонность к экстремизму не означает неизбежного совершения нападения, а лишь позволяет предположить наличие убеждений, которые могут проявиться в поведении, трактуемом законом как экстремистское [22].

Привлекательность субкультуры колумбайн и экстремистских течений связана с определенным психоэмоциональным статусом личности. Так, экстремизм ассоциирован с переживанием депрессии и тревоги, дистимии, симптомами посттравматического стрессового расстройства [25], психической травмой раннего возраста и текущим состоянием психологической уязвимости [26]. В более широком контексте поведение, определяемое

законом Российской Федерации как экстремистское, представлено перечнем уголовно наказуемых деяний [22], которые носят деструктивный, антиобщественный характер, это позволяет говорить о личности, совершающей их, как имеющей выраженную социально-психологическую дезадаптацию. Этот ракурс рассмотрения проблемы позволяет поставить задачу раннего выявления группы риска для оказания психологической помощи и предотвращения радикализации личности.

Рассматривая склонность к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации, мы следуем за А. Харвикеном. Автор делает акцент на психологической уязвимости молодежи, поддерживающей экстремизм, и выделяет шесть обобщающих факторов в своем обзоре эмпирических исследований: психическое заболевание, травмирующий опыт, особенности ранней социализации (семейное неблагополучие), предполагаемая дискриминация, социальный капитал и делинквентность. Как полагает А. Харвикен, неблагоприятный опыт, приобретенный в семье или школе, подталкивает личность к поиску альтернативных социальных групп и областей для достижения успеха, которые могут оказаться антагонистичны общепринятым ценностям [26].

Раскроем данные факторы подробнее:

1) с экстремизмом ассоциированы депрессивные и тревожные расстройства, попытки суицида. Существует гипотеза, что склонность к экстремизму может быть попыткой психики преодолеть отсутствие смысла жизни;

2) психотравмирующий опыт включает подверженность неприятным или тревожным переживаниям;

3) фактор ранней социализации описывает картину семейного неблагополучия;

4) предполагаемая дискриминация — фактор, обобщающий фрустрацию и враждебность, а также желание перемен и возмездия у экстремистски настроенной личности;

5) социальный капитал включает изоляцию и социальную отчужденность;

6) делинквентное поведение — фактор, который указывает на корреляции экстремизма с насильственными преступлениями [26].

При описании Шкалы выявления риска экстремизма и насилия (Extremism and Violence Risk Identification Scale) и ее адаптации среди молодежи в Пакистане Б. Хассан с коллегами включают в конструкт экстремизма следующие характеристики: неопределенность жизни (пессимистическое

отношение к своему будущему), отсутствие социальной поддержки (в том числе в семье), склонность к насильственной агрессии, религиозная нетерпимость [27].

Изучение аспектов социально-психологической дезадаптации, предшествующих экстремистскому поведению, среди отечественных работ последних лет представлены единичными исследованиями. Э.И. Мещерякова и А.В. Ларионова связывают формирование экстремистской направленности с потребностью самоосуществления на фоне дефицита ресурсов самореализации [13]. Теоретический анализ, осуществленный Е.В. Рягузовой, показал несколько факторов радикализации экстремистских групп: социальная изоляция, ощущение угрозы безопасности, дискриминации и несправедливости, идеи превосходства и интолерантное отношение к другим [20]. Обзор зарубежных исследований, осуществленный Д.Г. Давыдовым и К.Д. Хломовым, указал на несколько признаков: наличие обиды, опыт владения оружием, стресс, депрессия, временная или хроническая социальная изоляция, в первую очередь ее субъективная сторона [5]. Однако описанные признаки не составляют “профиль”, который может использоваться для надежного выявления подростков, склонных к совершению массовых убийств [5].

В нашем исследовании была осуществлена попытка преодолеть указанное ограничение и приблизиться к предмету исследования в разрезе радикализации личности. Данная область имеет свои ограничения, поскольку вплотную подходит к исследованиям, связанным с прогнозированием и оценкой риска, профилактикой и предотвращением актов насильственного экстремизма. Здесь необходимо раскрыть возникающую методологическую неточность. С одной стороны, финал процесса радикализации — личность экстремиста. С другой стороны, пока не доказано совершение деяния экстремистского толка, то или иное лицо неправомерно определять как “экстремиста”, поэтому речь идет о “склонности к экстремизму” или “экстремистских тенденциях”, характеризующих уровень радикализации личности. Так, в работе Озера и Бертелсена для изучения факторов радикализации взята выборка учащихся средней школы и колледжа, применяются опросники, диагностирующие признаки, связанные со склонностью к экстремизму (одобрение насилия и противоправных действий, сильное желание комплексных социальных изменений и изменений в своей жизни и др.) [29]. В выборку исследования Д. Микони и соавторов вошли студенты колледжа, применялся опросник, определяющий уровень симпатии

к насильственной радикализации (радикализации, приводящей к поддержке насильственного экстремизма) [28]. Таким образом, в этих исследованиях в качестве “потенциального экстремиста” рассматривается личность человека, который ранее не привлекался и скорее всего никогда не будет привлечен к ответственности. Поэтому среди исследователей психологии экстремизма существует консенсус: если респондент в опроснике, направленном на выявление признаков экстремистского мировоззрения, набирает определенное количество баллов и оказывается достаточно близко к полюсу “радикализации”, это считается достаточным условием для отнесения его к группе лиц со склонностью к экстремизму. Допустимость такого обобщения обеспечивается применяемыми нами методами, которые подтвердили свою надежность и валидность.

Итогом проведенных анализа и систематизации стали следующие критерии экстремистских тенденций личности: признаки депрессивности, одиночество, дегуманизация окружающих, декларирование чувства превосходства, мотивы мести, положительное отношение к смерти [10] (табл. 1).

Описанные выше критерии склонности к экстремизму можно соотнести с идеологией “колумбайн”. Приверженцы данной субкультуры подробно описываются В.Д. Никишиным и имеют депрессивно-аутодеструктивные черты (п. 1 в табл. 1), причисляют себя к аутсайдерам (п. 2), постулируют превосходство над окружающими и обществом в целом и своего права вершить “естественный отбор” над живущими “стандартной жизнью” людьми (п. 4), которым дается уничижительная оценка (п. 3), мечтают отомстить обидчикам и обществу за пережитые неудачи (п. 5), потребляют шок- и треш-контент, связанный с темой смерти (п. 6) (см. табл. 1). Указанные критерии легли в основу скрининг-метода Р.В. Кадырова, Т.В. Капустиной, Е.В. Садон, А.С. Эльзесер. Специфический для “скулшутинга” признак “дегуманизация окружающих” в совокупности с остальными критериями позволяет дифференцировать лиц со склонностью к экстремизму среди людей с социальной дезадаптацией. Это позволило авторам поставить *цель* — выявить среди обучающихся лиц из группы риска для изучения их индивидуально-психологических характеристик.

Предметом исследования выступила склонность к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации личности. *Гипотезой исследования* является предположение о том, что студенты вузов, имеющие склонность к экстремизму, обладают индивидуально-психологическими характеристиками

Таблица 1. Описание критериев склонности к экстремизму

№	Критерий	Содержание критерия	Данные исследователей
1	Признаки депрессивности	Пониженный фон настроения вплоть до апатии, пессимизм в оценке своих перспектив, утрата интересов, физическое недомогание (общая слабость, частые головные боли, трудность в концентрации внимания и т.д.)	Тревожно-депрессивные расстройства, попытки суицида, наличие травмирующего опыта [26]; пессимистическое отношение к своей жизни и будущему [27]; дефицит ресурсов самореализации [13]
2	Одиночество	Общение с окружающими, сверстниками минимально или носит поверхностный и формальный характер (даже с родителями)	Семейное неблагополучие, изоляция и социальная отчужденность [26], отсутствие социальной поддержки [27], социальная изоляция [20]
3	Дегуманизация окружающих	Противопоставляет свои ценности общепринятым, а себя — окружающему обществу, государству; демонстрирует нетерпимость и приверженность крайним мерам. Это проявляется в презрении и недоверии в отношении окружающих, во мнении, что другие люди не достойны права на жизнь	Интолерантное отношение к другим [20], делинквентность [26], склонность к насильственной агрессии [27]
4	Декларирование чувства превосходства	Личность ставит себя выше других в интеллектуальном и моральном плане, что приводит к отчужденности	Религиозная нетерпимость [27], идеи превосходства [20]
5	Мотивы мести	Накопленные зlobа, горечь и обиды, недовольство окружающими и миром в целом, сочетающиеся с желанием отомстить	Предполагаемая дискриминация [26], ощущение угрозы безопасности, дискриминации и несправедливости [20]
6	Положительное отношение к смерти	Смерть считается решением многих проблем и собственного существования, что способствует предпочтению в информационном поле тем ненависти, насилия, разрушения и самой смерти	Героизация “скулшутеров”, дискурс ненависти по отношению к одноклассникам, родителям, которая может быть экстраполирована на девушек, религиозные группы, общество, социальный строй и т.д., “мода на оружие”, романтизация массовых убийств в школах, видеозаписи сцен насилия и убийств и пр. [16]

личности, указывающими на специфику их социально-психологической дезадаптации.

МЕТОДИКА

Участники исследования. 578 студентов I–VI курсов обучения вузов Приморского края (ТГМУ, ДВФУ, ВГУЭС, ДВПСА, МГУ имени Невельского; $n = 363$), Хабаровского края (ТОГУ, ДВГМУ, КнаГУ; $n = 124$), Республики Дагестан (ДГУ, ДГПУ; $n = 59$) и г. Москвы (РУДН; $n = 32$). В исследовании приняло участие 348 лиц женского пола и 230 — мужского. Возраст исследуемых — 17–27 лет, средний возраст — 19.69. В выборку вошли студенты гуманитарных ($n = 207$), технических ($n = 168$) и естественнонаучных ($n = 203$) направлений подготовки и специальностей.

В исследовании использовались следующие методики: Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму (Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина,

Е.В. Садон, А.С. Эльзессер, методика прошла апробацию на выборке более 1000 человек и подтвердила свою эффективность в диагностике склонности к экстремизму, скрининг является надежным и валидным инструментом [10; 23]); Факторный личностный опросник Р. Кеттелла, 16-РФ, форма А [19]; Тест акцентуаций свойств темперамента (ТАСТ, В.В. Плотников и соавторы) [21]; Шкала враждебности Кука–Медлей (СМНС) [12]; методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса, которая применяется в зарубежных эмпирических исследованиях личности экстремистов и в отечественных диссертациях при изучении вопросов адаптации/дезадаптации [6; 9; 24]; проективная методика 12 Архетипов плюс (12А+, Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина, методика подтвердила свои диагностические возможности в оценке личности и получила признание научного психологического сообщества [11]). Поскольку для измерения личностных черт и способностей в психологии применяется порядковая шкала [7],

а используемые методики настоящего исследования представляют собой опросники, то для статистической обработки были выбраны непараметрический критерий Краскела–Уоллиса и медианный тест, подсчеты выполнялись в программе Statistica 10.0 [4], уровень значимости — менее 0.05. Исследование проводилось в очном (для студентов г. Владивостока) и дистанционном форматах (с помощью Google-формы для студентов из других регионов России).

РЕЗУЛЬТАТЫ

На первом этапе, исходя из уровня выраженности склонности к экстремизму по результатам скрининг-метода Кадырова Р.В. и соавторов, выборка была разделена на три группы:

- 1) лица, у которых отсутствует склонность к экстремизму, $n = 491$;
- 2) лица, имеющие склонность к экстремизму, $n = 63$;
- 3) лица, имеющие выраженную склонность к экстремизму, $n = 24$.

Далее с помощью непараметрического критерия Краскела–Уоллиса проводилось сравнение показателей выраженности различных личностных характеристик по разным методикам в трех группах.

По тем шкалам, по которым получились значимые различия (p -level менее 0.05), был проведен медианный тест, указывающий медианные значения по каждой шкале для каждой из трех групп. Поскольку все статистические расчеты выполнялись с использованием сырых баллов, то медианные значения были переведены в стены или соотнесены с разными уровнями выраженности определенных характеристик (низкий, средний, высокий).

Таким образом, согласно результатам методики Кеттелла, имеются различия в группах по 8 факторам из 16. Медианный тест и перевод сырых баллов в стены указывают на различия проявляемых признаков в группах (табл. 2, 3).

Так, по фактору *A* значения в группе с отсутствием склонности к экстремизму соответствуют средним, а для групп со склонностью и выраженной склонностью — низким. Лица со склонностью к экстремизму более замкнуты, отчуждены, при этом склонны подвергать других строгой оценке. Уничжительное отношение к другим, неготовность поддерживать социальные связи приводят к ситуации одиночества. Эти данные соответствуют результатам исследований, связывающих экстремизм и социальную изоляцию [20; 26; 27]. Подобные различия мы можем наблюдать по фактору *C*, указывающие на выраженность эмоциональной нестабильности (один и два стена соответствуют

Таблица 2. Статистически значимые различия по методике 16 PF Р. Кеттелла в трех группах

Фактор по Кеттеллу	Объемы сравниваемых выборок Нет/Есть/Выраженная	Значение Краскела—Уоллиса, <i>H</i>	Уровень достоверности (p -level)
<i>A</i> (общительность)	461/63/24	19.81	0.0000
<i>C</i> (эмоциональная стабильность)	461/63/24	25.88	0.0000
<i>G</i> (нормативность)	461/63/24	7.81	0.0202
<i>L</i> (подозрительность)	461/63/24	15.78	0.0004
<i>O</i> (тревожность)	461/63/24	7.78	0.0204
<i>Q</i> ₂ (конформизм)	461/63/24	18.89	0.0001
<i>Q</i> ₃ (самоконтроль)	461/63/24	8.22	0.0164
<i>Q</i> ₄ (напряженность)	461/63/24	19.74	0.0001

Таблица 3. Медианный тест по результатам методики 16-PF Р. Кеттелла в трех группах*

Фактор	Нет склонности		Есть склонность		Выраженная склонность	
	Сырые баллы	Стены	Сырые баллы	Стены	Сырые баллы	Стены
<i>A</i>	8	4	6	3	6	3
<i>C</i>	12	5	6	2	5	1
<i>G</i>	13	6	10	5	9	4
<i>L</i>	13	7	15	8	15	8
<i>O</i>	11	5	13	8	13	8
<i>Q</i> ₂	12	5	16	7	17	8
<i>Q</i> ₃	12	6	11	5	9	4
<i>Q</i> ₄	8	3	15	6	16	6

* Использовались нормативные данные выборки студентов [19, с. 75].

низким значениям по фактору) в группе со склонностью и выраженной склонностью к экстремизму. Это говорит о крайне низком пороге эмоциональной устойчивости, эмоциональной лабильности, низкой толерантности к фрустрирующим ситуациям. Все это проявляется в пониженном настроении, раздражительности и обуславливает дальнейшие трудности в установлении контактов. По фактору G , как и по фактору Q_3 , наблюдается средний уровень значений для трех групп, однако наблюдается тенденция к снижению показателя (так, в группе с выраженной склонностью к экстремизму медианные значения соответствуют четырем стенам — средний уровень с тенденцией к низкому). Это свидетельствует о готовности проявлять организованность в знакомых ситуациях, избирательном отношении к социальным нормам и требованиям. Отметим, что при возрастании склонности к экстремизму нормативность поведения оказывается ниже среднего: личность с большей вероятностью действует в своих интересах, пренебрегая социальными нормами, правилами, стандартами.

По фактору L для лиц, не имеющих склонности к экстремизму, характерны средние значения, а для имеющих — высокие. Это говорит о подозрительности и раздражительности, а также сочетании самомнения и самокритики у лиц, склонных к экстремизму. Требовательность к окружающим вместе с завистливостью приводят к мысли о том, что другие люди недостойны тех благ, которыми наслаждаются. Противоречие между склонностью задерживать внимание на неудачах и наличием большого самомнения служит почвой для внутреннего конфликта, что приводит к выраженному внутреннему напряжению. Фактор Q указывает на значимые различия в выраженности тревожности в группах, имеющих склонность к экстремизму (значения соответствуют восьми стенам). Наблюдаются признаки депрессивности: подавленность, тревожность, склонность к самобичеванию, погруженность в мрачные переживания. Сниженный эмоциональный фон усугубляет апатично-депрессивные настроения и служит благодатной почвой для

восприятия идеологии “колумбайн”, которая транслирует не только агрессивные, но и депрессивно-аутодеструктивные идеи [16]. По фактору Q_2 наблюдаются высокие значения у людей, имеющих выраженную склонность к экстремизму, что указывает на заметные тенденции к независимости. Таким образом, одиночество, неудовлетворенность, большое самомнение дополняются стремлением обособиться от группы, это приводит к уничижительному отношению к окружающим. По фактору Q_4 низкие значения характеризуют группу сравнения, когда для групп с тенденцией и выраженной тенденцией к экстремизму наблюдаются средние значения (шесть стен). Это говорит о средневыраженной собранности, готовности действовать у личности, склонной к экстремизму, в противовес расслабленности и удовлетворенности.

Результаты по методике ТАСТ обрабатывались аналогично методике Кеттелла, однако в данном случае при переводе из сырых баллов в стандартные учитывались половые различия, поэтому в таблице приведены стандартные значения для мужчин/женщин. Использование данного способа представления результатов не искажает общей картины выраженности определенных признаков в группе у студентов со склонностью и выраженной склонностью к экстремизму. Так, для них в большей мере выраженными являются шкалы нейротизма, сенситивности, робости, агрессивности, эмоциональной лабильности и ригидности с более низкими значениями гипертимности (табл. 4, 5).

При отсутствии акцентуации гипертимности у группы сравнения у людей со склонностью к экстремизму значения шкалы снижаются, а при выраженной склонности к экстремизму достигают порога гипотимности. Это располагает к сниженной активности, ограничению общения, снижению настроению. Высокие баллы по шкале нейротизма характеризуют личность, склонную к экстремизму, физически неблагополучной, с переживанием слабости, психовегетативной неустойчивости. Это

Таблица 4. Статистически значимые различия по методике ТАСТ (В.В. Плотников и соавторы) в трех группах

Шкала	Объемы сравниваемых выборок Нет/Есть/Выраженная	Значение Краскела—Уоллиса, H	Уровень достоверности (p -level)
Гипертимность	461/63/24	9.13	0.0104
Нейротизм	461/63/24	55.28	0.0000
Сенситивность	461/63/24	12.15	0.0023
Робость	461/63/24	26.92	0.0000
Агрессивность	461/63/24	18.13	0.0001
Эмоциональная лабильность	461/63/24	20.98	0.0000
Ригидность	461/63/24	8.15	0.0170

Таблица 5. Медианный тест по результатам методики ТАСТ (В.В. Плотников и соавторы) в трех группах*

Шкала	Нет склонности		Есть склонность		Выраженная склонность	
	Сырые баллы	Стены	Сырые баллы	Стены	Сырые баллы	Стены
Гипертимность	7	5	6	4	5	3
Нейротизм	4	5	8	10	9	10
Сенситивность	7	7/4	10	10/8	8	8/5
Робость	8	7/6	12	10/8	13	10/9
Агрессивность	5	5/4	8	8/7	9	9/8
Эмоциональная лабильность	7	8/6	9	10/8	9	10/8
Ригидность	7	5	8	6/7	9	7/8

* Через слеш указаны половые различия в стенах М/Ж.

означает, что сила негативных переживаний превышает адаптационный потенциал личности, наступил этап истощения.

Наблюдаются противоречивые результаты для акцентуации сенситивности, а также сочетания робости и агрессивности. При отсутствии склонности к экстремизму акцентуация сенситивности отсутствует, затем проявляет себя наиболее ярко у группы с наличием склонности, а при выраженной склонности к экстремизму сохраняется у юношей и исчезает у девушек. Высокая акцентуированность робости отличает личность со склонностью к экстремизму и опосредует трудности в социальных взаимодействиях, низкую самооценку, тревожность. При этом агрессивность достигает наивысших значений при выраженной склонности к экстремизму. Представляет интерес противоречие между ярко выраженной неконфликтностью личности и агрессивностью ее экстремистской идеологии, провозглашением ненависти, призывами к расправе. Данные результаты будут подробно обсуждены в следующем разделе.

По Шкале Кука—Медлей были выявлены различия по двум шкалам — цинизма и враждебности

(табл. 6, 7). Отметим, что уровень цинизма вырастает статистически значимо, в то время как враждебность достигает высоких значений лишь при сильной склонности к экстремизму. Это показывает, что радикализация личности связана в первую очередь с повышением установок на отказ от доверия к другим, в то время как действительные враждебность и неприязнь незначительно превышают таковые у других сверстников и достигают нижней границы высокого уровня лишь при выраженной склонности к экстремизму.

Статистическая обработка по методике А. Эллиса показала, что группы со склонностью к экстремизму отличаются невыраженностью иррациональной установки по шкале “Оценка фрустрационной толерантности”, в отличие от группы сравнения (см. табл. 6, 7). Чтобы объяснить эту закономерность, необходимо обратиться к содержанию шкалы. Так, группа сравнения склонна отвечать, что многого просто “не выносит”: ситуаций, когда все идет не так, как хочется, сильного давления и стресса, некоторых поступков друзей, родных или окружающих. Отвечая на эти вопросы, каждый из которых содержит формулировку “не выношу/не вынести/невыносимо”, личность со склонностью к экстремизму отрицает,

Таблица 6. Статистически значимые различия по методикам Кука—Медлей и А. Эллиса в трех группах

Шкала	Объемы сравниваемых выборок Нет/Есть/Выраженная	Значение Краскела—Уоллиса, <i>H</i>	Уровень достоверности (<i>p</i> -level)
Цинизм	461/63/24	13.70	0.0011
Враждебность	461/63/24	16.92	0.0002
Оценка фрустрационной толерантности	461/63/24	26.95	0.0000

Таблица 7. Медианный тест по результатам методик Кука—Медлей и А. Эллиса в трех группах

Шкала	Нет склонности		Есть склонность		Выраженная склонность	
	Сырые баллы	Интерпретация	Сырые баллы	Интерпретация	Сырые баллы	Интерпретация
Цинизм	55	Средний уровень	62	Средний с тенденцией к высокому	66	Средний с тенденцией к высокому
Враждебность	20	Средний уровень	22	Средний уровень	26	Высокий уровень
Оценка фрустрационной толерантности	31	Наличие установки	29	Отсутствие установки	22	Отсутствие установки

что есть вещи, которые нельзя вынести. На фоне результатов предыдущих методик мы можем предположить, что за этими ответами стоит горькая ирония: личность с социально-психологической дезадаптацией считает, что вынесла уже очень многое и уже не может случиться ничего, чего бы нельзя было вынести. Это предположение подкрепляет аутоагрессивный аспект стрельбы в школе, которая, по сценарию “колумбайна”, завершается самоубийством стрелка. В целом утверждение респондентами собственной стрессоустойчивости, вероятно, носит компенсаторный характер.

Результаты по методике “12 Архетипов плюс” указывают на различия в архетипе Сироты. Поскольку данная методика имеет отличающуюся процедуру обработки и не все архетипы (шкалы) получают баллы при диагностике, то оценивались не только медианные значения, но и диапазон наиболее часто встречающихся значений (табл. 8, 9). Он показал, что в группе с выраженной склонностью к экстремизму в структуре личности преобладает тип личности Сирота, а в группе с отсутствием этой склонности данный архетип преимущественно не проявляется. Как видим, данный тип личности вытесняется либо не выбирается группой сравнения, в то время как количество его выборов растет вместе с возрастанием социально-психологической дезадаптации. Это показывает, что для лиц со склонностью к экстремизму характерны недооценка своих возможностей, преувеличение трудностей и недостатков, болезненная чувствительность к критике, предрасположенность к подавленному настроению и пассивности. Перечисленные черты препятствуют разрешению имеющихся проблем, задавая общий тон безнадежности и депрессивности.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты приводят нас к следующим рассуждениям. Существуют противоречия типа личности Сироты и данных, полученных

Таблица 8. Статистически значимые различия по методике 12 Архетипов плюс (Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина) в трех группах

Архетип (тип личности)	Объемы сравниваемых выборок Нет/Есть/Выраженная	Значение Краскела—Уоллиса, H	Уровень достоверности (p -level)
Сирота	461/63/24	21.55	0.0000

Таблица 9. Медианный тест по результатам методики 12 Архетипов плюс (Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина) в трех группах

Архетип	Нет склонности		Есть склонность		Выраженная склонность	
	Медиана	Диапазон наиболее частых значений	Медиана	Диапазон наиболее частых значений	Медиана	Диапазон наиболее частых значений
Сирота	0	От -12 до 0	0	0	12	От 0 до 12

по другим методикам. Так, потребность в одобрении противоречит независимой позиции, ориентированность на нормы поведения — пренебрежению ими, мягкость и снисходительность — строгой требовательности и презрению к другим. Мы полагаем, что указанные противоречия составляют *специфику личности “колумбайнера”* и являются ключом к пониманию привлекательности данной идеологии. Так, выбор соответствующей карты методики означает превалирование в структуре личности типа Сироты, который указывает на наличие травмирующего опыта в прошлом. Впоследствии этот тип предопределяет набор предрасположенностей к позиции слабости и уязвимости. Неудачи в общении и личной жизни, социальная изоляция также являются длительным травмирующим опытом для подростка и юноши, поскольку затрагивают уязвимую сферу личности этого типа — взаимоотношения с окружающими. В этом случае провозглашение ненависти, готовности обрушить гнев на мир, мести за несправедливость и отстаивание своего превосходства являются неудачной реакцией компенсации, разворачивающейся на поле экстремистской идеологии. Согласно А. Адлеру, данный способ не устраняет глубинное чувство неполноценности, но надолго упраздняет субъективно жалкое положение личности и возвышает ее над всеми остальными [1].

Итак, личность с экстремистскими тенденциями испытывает одиночество, имея внутреннее объяснение: мир устроен плохо и наполнен людьми, недостойными даже жизни. Вероятно, в данном случае агрессия является не имплицитно присутствующей личностью чертой, а лишь формой реакции на состояние длительной и сильной фрустрации, на опыт множества неудач, социальной изоляции, обиды на окружающих, которые воспринимаются более успешными, но недостойными этого. Несмотря на то что эмоциональная лабильность свойственна всей выборке, наивысших значений она достигает у ранимых и психологически

неблагополучных лиц со склонностью к экстремизму, что позволяет предположить ее обусловленность событиями травматической и стрессовой природы. Учитывая данные о подавленном настроении, усиленная эмоциональная реактивность, по-видимому, чаще связана с негативными переживаниями. С увеличением склонности к экстремизму возрастает выраженность ригидности. Это обуславливает фиксацию на пережитом негативном опыте и накопление обид, а также объясняет провозглашаемые “колумбайнерами” мотивы мести одноклассникам, обществу, государственному строю и миру в целом. Эти характеристики могут объяснять активный поиск антиобщественных интернет-сообществ, пропагандирующих идеологию аутсайдеров, которые утверждают свое превосходство над окружающими на фоне крайне низкого мнения о себе.

Несмотря на внутреннюю неустроенность, девушки с акцентуацией сенситивности, по-видимому, не достигают высокой вовлеченности в экстремистские субкультуры. С большей вероятностью они займут промежуточное, сочувствующее положение. Учитывая, что известными стрелками являются юноши, это сочувствие у девушек может носить романтический характер. Поскольку влюбленность является созидательной силой, можно предположить небольшой психотерапевтический эффект, несмотря на личность объекта симпатий. Что касается юношей, художественно-интуитивное восприятие мира и эстетическая направленность интересов не защищают их от глубокого погружения в экстремистскую идеологию. Напротив, их эстетические предпочтения, вероятно, будут искажаться, смещаясь к темам оружия, суицида, убийств, героизации образа “школьного стрелка в черном плаще”.

Существуют сообщения, что большинство террористов клинически нормальны, несмотря на аморальность их действий [30]. По нашим данным, склонность к экстремизму является чертой акцентуированной, пограничной, но не патологической личности. Так, согласно П.Б. Ганнушкину — О.В. Кербинову, критериями поведенческой патологии выступают тотальность, относительная стабильность выраженности патологических черт характера, социальная дезадаптация. При этом точкой отсчета динамики психопатической личности являются 18–20 лет [3]. В данном случае наличествует социально-психологическая дезадаптация, однако черты личности, склонной к экстремизму, еще подвержены влиянию среды, обладают динамикой и не отвечают условию тотальности и стабильности. Это оставляет коррекционную работу

и психотерапию в сфере клинической психологии, а не психиатрии.

Далее необходимо отметить ограничения проведенного исследования. Как упоминалось ранее, приближение к предмету исследования осуществляется возможным лишь посредством целого ряда допущений. Так, ввиду ограниченности доступа к выборке “колумбайнеров”, стремящихся завершить нападение суицидом, представляется возможным использовать конструкт “склонность к экстремизму”, который позволяет изучить корреляционные связи на нормальной популяции [28; 29]. Интерпретация полученных результатов опирается на эмпирические исследования, рассматривающие ведущую роль психологической уязвимости в становлении склонности к экстремизму [26].

ВЫВОДЫ

Таким образом, нами была применена новая методика с обоснованной валидностью [10], которая позволила выявить людей с разным уровнем выраженности склонности к экстремизму. Нами предложено рассматривать склонность к экстремизму как разновидность социально-психологической дезадаптации. Дезадаптация представляет собой нарушения взаимоотношений со средой и предшествует отказу следовать общественным предписаниям, нанесению вреда обществу [15]. В основе дезадаптации лежат личностные свойства, опосредующие выполнение самоопределяющей функции в отношениях со средой [2]. Отсюда следует, что ее специфика индивидуально-психологических характеристик опосредует специфику социально-психологической дезадаптации. Поэтому исследование основано на допущении, что профиль личности “колумбайнера” существует и поддается изучению путем сбора и анализа косвенных свидетельств, а значит, могут быть выявлены индивидуально-типологические предикторы экстремистского поведения. Данное исследование является попыткой приблизиться к изучению этих вопросов, однако его результаты должны рассматриваться лишь как предварительные. По мере накопления материала первоначальные выкладки должны быть уточнены и скорректированы.

Тем не менее исследование, проведенное на студенческой выборке, показало, что людей со склонностью к экстремизму отличают следующие личностные характеристики: недоверчивость, замкнутость, стремление к независимости, строгие требования к другим, низкий порог эмоциональной устойчивости, тревожность, депрессивность, готовность действовать; цинизм, враждебность;

недооценка своих возможностей, преувеличение трудностей и недостатков, болезненная чувствительность к критике, предрасположенность к подавленному настроению и пассивности в русле нормативных общественных отношений. К темпераментальным характеристикам, достоверно отличающим лиц со склонностью к экстремизму, относятся: гипотимность, нейротизм, сенситивность (у юношей), робость, агрессивность, эмоциональная лабильность, ригидность. Эти черты не определяют, но формируют основу свойств характера личности, которая в результате социальной дезадаптации может приобретать негативную, асоциальную направленность. Таким образом, гипотеза настоящего эмпирического исследования нашла свое подтверждение.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение национально-психологических предикторов и индивидуально-психологических характеристик социально-психологической дезадаптации студентов, склонных к экстремизму. В дальнейших исследованиях представляют практический интерес разработка, апробация и обоснование эффективности программы психологической коррекции для студентов с социально-психологической дезадаптацией [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Академический проект, 2015.
2. Беличева С.А., Белинская А.Б. Социально-педагогическая диагностика и сопровождение социализации несовершеннолетних: Учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023.
3. Ганнушкин П.Б. Избранные труды по психиатрии. М.: Юрайт, 2019.
4. Гржибовский А.М., Иванов С.В., Горбатова М.А. Сравнение количественных данных трех и более независимых выборок с использованием программного обеспечения STATISTICA и SPSS: параметрические и непараметрические критерии // Наука и здравоохранение. 2016. № 4. С. 5–37.
5. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76.
6. Двойникова Е.Ю. Психологические особенности адаптации студентов с разной стратегией решения учебно-профессиональных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2016.
7. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: Учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. 2-е изд., доп. М.: Юрайт, 2019.
8. Кадыров Р.В., Эльзессер А.С., Капустина Т.В. Краткосрочная программа психологической коррекции студентов, имеющих склонность к экстремизму. Ульяновск: Зебра, 2022.
9. Каменюкин А.Г., Ковпак Д.В. Стресс-менеджмент. 3-е изд. СПб.: Питер, 2012.
10. Капустина Т.В. Разработка и апробация скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму // Психолог. 2022. № 1. С. 29–52.
11. Капустина Т.В. Экспресс-диагностика типов личности: проективный метод: Дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2019.
12. Козлов В.В., Мазилев В.А., Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2018. С. 477–480.
13. Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Детерминация молодежного экстремизма как деструктивного способа самореализации // Молодежный экстремизм: интегрированный подход с позиции гуманитарных наук. Томск: Изд-во ТГУ, 2019.
14. Михайлова Е.В. Криминологическая характеристика вооруженных нападений в образовательных учреждениях Российской Федерации (schoolshooting) // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2021. № 1. С. 20–25.
15. Молодцова Т.Д., Кобышева Л.И., Шалова С.Ю. Подготовка студентов вуза к работе с дезадаптированными детьми и подростками: Монография. М.: Директ-медиа, 2017. 149 с.
16. Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. 2021. № 11. С. 62–76.
17. Письмо Минобрнауки России «Оценка приемлемости для использования в Российской Федерации “Методического пособия по предотвращению насильственного экстремизма” (ЮНЕСКО, 2016)» от 27 апреля 2017 г. № 09-921. URL: <https://ppt.ru/docs/pismo/minobrnauki/n-09-921-185o940> (дата обращения: 12.04.2022).
18. Плотников В.В., Самойлов С.Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 163–168.
19. Рукавишников А.А., Соколова М.В. Факторный личностный опросник Кеттелла: методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 2020.
20. Рягузова Е.В. Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия “Я – Другой”: детерминанты и предпосылки (на примере экстремистских групп) // Известия Саратовского университета. 2021. № 3. С. 220–228.
21. Тест акцентуаций свойств темперамента (ТАСТ): методическое руководство / Под ред. В.В. Плотникова, Л.А. Северьяновой, Д.В. Плотникова, Д.В. Бердникова. 3-е изд. СПб.: ИМАТОН, 2016.

22. Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности” от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (дата обращения: 14.02.2023).
23. Эльзессер А.С., Капустина Т.В. Апробация скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму у несовершеннолетних правонарушителей // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции, 8–10 июля 2022 г. Ульяновск, 2022. С. 74–79.
24. Aldahadha B. Disputing Irrational Beliefs Among Convicted Terrorists and Extremist Beliefs // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2018. № 36. P. 404–417.
25. Bhui K. et al. Extremism and common mental illness: cross-sectional community survey of White British and Pakistani men and women living in England // The British Journal of Psychiatry. 2020. № 4. P. 547–554.
26. Harpviken A.N. Psychological vulnerabilities and extremism among Western youth: a literature review // Adolescent Research Review. 2020. № 5. P. 1–26.
27. Hassan B., Khattak A.Z., Qureshi M.S., Iqbal N. Development and Validation of Extremism and Violence Risk Identification Scale // Pakistan Journal of Psychological Research. 2021. № 1. P. 51–70.
28. Miconi D., Oulhote Y., Hassan G., Rousseau C. Sympathy for violent radicalization among college students in Quebec (Canada): The protective role of a positive future orientation // Psychology of Violence. V. 10. № 3. P. 344–354.
29. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: Examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism // Scandinavian Journal of Psychology. 2020. № 10. P. 1–10.
30. Pisou D. et al. Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror — the German Contribution in a Context // International Journal of Conflict and Violence. 2020. № 2. P. 1–12.

PROPENSITY TO EXTREMISM IN THE CONTEXT OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL MALADJUSTMENT²

A. S. Elzesser*, T. V. Kapustina**, R. V. Kadyrov***

*Pacific State Medical University;
690002, Primorsky Territory, Vladivostok, Ostryakov Ave., 2, Russia.*

**Educator.*

E-mail: der_falter@mail.ru

***PhD in Psychology, Docent.*

E-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

****PhD in Psychology, Docent, Head of the Department.*

E-mail: rusl-kad@yandex.ru

Received 20.04.2022

Abstract. The study is devoted to the definition of individual psychological characteristics of propensity to extremism in the context of socio-psychological maladaptation. The attractiveness of the Columbine subculture and extremist movements is associated with the socio-psychological maladaptation of the individual. This actualizes the task of early identification of a risk group for the provision of psychological assistance in order to prevent the radicalization of the individual. Research hypothesis: students with a tendency to extremism have individual psychological characteristics of the personality, indicating the specifics of their socio-psychological maladaptation. We studied 578 students of I–VI courses of study at universities in Primorsky Krai, Khabarovsk Krai, the Republic of Dagestan and Moscow. The following methods were used: Propensity of extremism detection screening method; R. Cattell’s The Sixteen Personality Factor Questionnaire (16 PF), form A; Temperament Feature Accentuation Test (TFAT); The Cook-Medley Hostility Scale (CMHS); A. Ellis’ technique for diagnosing irrational attitudes and projective technique “12 archetypes plus” (12A+) by R.V. Kadyrov, T.V. Kapustina. It was found that the specificity of the socio-psychological maladjustment of students prone to extremism is determined by the following individual psychological characteristics: underestimation of one’s own capabilities, painful sensitivity to criticism, isolation, alienation, a tendency to subject

²The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and EISI within the framework of the scientific project No. 21-011-32151.

others to strict evaluation, denying them trust, a low threshold of emotional stability, emotional lability, suspicion and irritability, the desire to act in their own interests, neglecting social norms, rules and standards, as well as a combination of conceit and self-criticism, a combination of low tolerance for frustrating situations with an exaggeration of one's stress resistance. These students show signs of depression: depression, anxiety, a tendency to self-flagellation, immersion in gloomy experiences.

Keywords: extremism, propensity to extremism, socio-psychological maladjustment, extremism detection, students.

REFERENCES

1. *Adler A.* Praktika i teorija individual'noj psihologii. Moscow: Akademicheskij proekt, 2015. (In Russian)
2. *Belicheva S.A., Belinskaja A.B.* Social'no-pedagogicheskaja diagnostika i soprovozhdenie socializacii nesovershennoletnih: Uchebnoe posobie dlja vuzov. Moscow: Jurajt, 2023. (In Russian)
3. *Gannushkin P.B.* Izbrannye trudy po psihiatrii. Moscow: Jurajt, 2019. (In Russian)
4. *Grzhibovskij A.M., Ivanov S.V., Gorbatova M.A.* Sravnienie kolichestvennyh dannyh treh i bolee nezavisimyh vyborok s ispol'zovaniem programmogo obespechenija STATISTICA i SPSS: parametricheskie i neparametricheskie kriterii. Nauka i Zdravoohranenie. 2016. № 4. P. 5–37. (In Russian)
5. *Davydov D.G., Hlomov K.D.* Massovye ubijstva v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah: mehanizmy, prichiny, profilaktika. Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2018. № 4 (32). P. 62–76. (In Russian)
6. *Dvojnjkova E. Ju.* Psihologicheskie osobennosti adaptacii studentov s raznoj strategiej reshenija uchebno-professional'nyh zadach: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Rostov-on-Don, 2016.
7. *Druzhinin V.N.* Jeksperimental'naja psihologija: Undergraduate textbook. 2-e izd., dop. Moscow: Jurajt, 2019. (In Russian)
8. *Kadyrov R.V., Jel'zesser A.S., Kapustina T.V.* Kratkosrochnaja programma psihologicheskoy korrekcii studentov, imejushih sklonnost' k jekstremizmu. Ul'janovsk: Zebra, 2022. (In Russian)
9. *Kamenjukin A.G., Kovpak D.V.* Stress-menedzhment. 3-e izd. St. Petersburg: Piter, 2012. (In Russian)
10. *Kapustina T.V.* Razrabotka i aprobacija skringing-metoda dlja diagnostiki sklonnosti k jekstremizmu. Psiholog. 2022. № 1. P. 29–52. (In Russian)
11. *Kapustina T.V.* Jekspress-diagnostika tipov lichnosti: projektivnyj metod: Dis. ... kand. psihol. nauk. Habarovsk, 2019. (In Russian)
12. *Kozlov V.V., Mazilov V.A., Fetiskin N.P.* Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitija lichnosti i malyh grupp. Moscow, 2018. P. 477–480.
13. *Meshherjakova Je.I., Larionova A.V.* Determinacija molo-dezhnogo jekstremizma kak destruktivnogo sposoba samorealizacii. Molodezhnyj jekstremizm: integrirovannyj podhod s pozicii gumanitarnyh nauk. Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 2019. (In Russian)
14. *Mihajlova E.V.* Kriminologicheskaja charakteristika vooorzhenykh napadenij v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah Rossijskoj Federacii (schoolshooting). Nauchnyj vestnik Omskoj Akademii MVD Rossii, 2021. № 1. P. 20–25. (In Russian)
15. *Molodcova T.D., Kobysheva L.I., Shalova S.Ju.* Podgotovka studentov vuza k rabote s dezadaptirovannymi det'mi i podrostkami: monografija. Moscow: Direkt-media, 2017. (In Russian)
16. *Nikishin V.D.* Kolumbajn (skulshuting): sushhnost', pravovaja kvalifikacija, kriminalisticheskaja diagnostika. Lex russica. 2021. № 11. P. 62–76. (In Russian)
17. Pis'mo Minobrnauki Rossii «Ocenka priemlemosti dlja ispol'zovanija v Rossijskoj Federacii "Metodicheskogo posobija po predotvrashheniju nasil'stvennogo jekstremizma" (UNESKO, 2016)» April 27, 2017. № 09-921. URL: <https://ppt.ru/docs/pismo/minobrnauki/n-09-921-185o940> (date of access: 12.04.2022) (In Russian)
18. *Plotnikov V.V., Samojlov S.F.* Problema skulshutinga (kolumbajna) v rossijskoj nauke. Obshhestvo i pravo. 2021. № 2 (76). P. 163–168. (In Russian)
19. *Rukavishnikov A.A., Sokolova M.V.* Faktornyj lichnostnyj oprosnik Kettella: metodicheskoe rukovodstvo. St. Petersburg: IMATON, 2020. (In Russian)
20. *Rjaguzova E.V.* Razryv svjazej v reprezentacijah vzaimodejstvija "Ja – Drugoj": determinanty i predposylki (na primere jekstremistskih grupp). Izvestija Saratovskogo universiteta. 2021. № 3. P. 220–228. (In Russian)
21. Test akcentuacij svojstv temperamenta (TAST): Metodicheskoe rukovodstvo. Eds. V.V. Plotnikov, L.A. Sever'janova, D.V. Plotnikov, D.V. Berdnikov. 3-e izd. St. Petersburg: IMATON, 2016. (In Russian)
22. Federal'nyj zakon "O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti" ot July 25, 2002. № 114-FZ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (In Russian)
23. *Jel'zesser A.S., Kapustina T.V.* Aprobacija skringing-metoda dlja diagnostiki sklonnosti k jekstremizmu u nesovershennoletnih pravonarushitelej. Lichnost' v jekstremal'nyh uslovijah i krizisnyh situacijah zhiznedejatel'nosti. Sbornik nauchnyh statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 8–10 July 2022. Ul'janovsk, 2022. P. 74–79. (In Russian)

24. *Aldahadha B.* Disputing Irrational Beliefs Among Convicted Terrorists and Extremist Beliefs. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. 2018. № 36. P. 404–417.
25. *Bhui K. et al.* Extremism and common mental illness: cross-sectional community survey of White British and Pakistani men and women living in England. *The British Journal of Psychiatry*. 2020. № 4. P. 547–554.
26. *Harpviken A.N.* Psychological vulnerabilities and extremism among Western youth: a literature review. *Adolescent Research Review*. 2020. № 5. P. 1–26.
27. *Hassan B., Khattak A.Z., Qureshi M.S., Iqbal N.* Development and Validation of Extremism and Violence Risk Identification Scale. *Pakistan Journal of Psychological Research*. 2021. № 1. P. 51–70.
28. *Miconi D., Oulhote Y., Hassan G., Rousseau C.* Sympathy for violent radicalization among college students in Quebec (Canada): The protective role of a positive future orientation. *Psychology of Violence*. Vol. 10. № 3. P. 344–354.
29. *Ozer S., Bertelsen P.* The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: Examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2020. № 10. P. 1–10.
30. *Pisou D. et al.* Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror — the German Contribution in a Context. *International Journal of Conflict and Violence*. 2020. № 2. P. 1–12.